

«Я БОЛЬШЕ НЕ ПОЮ»

говорит Полад Бюль-Бюль оглы, ставший

несколько лет назад министром культуры.

Что он думает о своей и нашей жизни сегодня?

— Если помните, Полад, четыре года назад, вскоре после вашего вступления в должность министра культуры Азербайджана, вы давали интервью нашей газете. Вы рассказывали о том, почему решили взвалить на себя груз административных забот, делились планами и надеждами. В какой мере удалось их реализовать? И вообще, не жалеете ли сейчас о тогдашнем своем решении?

— Однозначно ответить на этот вопрос не смогу. Проблемы, с которыми я сталкивался тогда, зачастую ничего общего не имеют с теми, что приходится решать сейчас. Тогда мы радовались отмене реперткомов, душивших театры идеологической удавкой, и сокрушались, что, обретя свободу, художества не знают, как ее реализовать, — на сценах самых различных городов шли одни и те же «модные» спектакли. Сегодня театры задыхаются уже в совершенно иной удавке, экономической, — без поддержки государства и спонсоров не спасают ни талант постановщиков, ни репертуарное разнообразие.

Раньше мы сетовали, что из-за нехватки средств наши музеи и библиотеки впадают в жалкое существование. Сегодня происходит то, что не могло пригрезиться в страшном сне: памятники и объекты культуры гибнут и уничтожаются в прямом смысле. После захвата колыбели азербайджанской культуры города Шуши разграблены и разрушены десятки музеев и памятников архитектуры, в их числе дома-музеи Узеира Гаджибекова, поэта Вагифа, внуки последнего карабахского хана поэтессы Натаван...

— Вы не назвали разоренный в Шуше мемориал вашего отца, народного артиста СССР Бюль-Бюля, у которого было звание и повыше этого — имя Соловей, данное ему народом за изумительной красоты голос.

— Город несколько месяцев находился в блокаде. Вывезти удалось лишь самую малость. Остальное — в том числе уникальные, бесценные экспонаты — уничтожено либо разграблено.

— Иными словами, то, что раньше надо было поддерживать и развивать, сегодня необходимо просто спасать. Не сожалеете, что этим приходится заниматься именно вам, наверняка в ущерб творчеству? Нет желания вернуться на сцену? Ведь, насколько мне известно, из всех творческих деятелей бывшего СССР в должности министров остались только композиторы Раймонд Паулс в Латвии, Лепо Сумера в Эстонии и вы. Кстати, интересно, почему? Может, у вас троих оказалась больше административного таланта?

— Скорее, так сложились обстоятельства. Всякая успешная карьера — в любой области, в том числе и на чиновничьем поприще, — это способности плюс труд, плюс обстоятельства. Я ведь до этого назначения два года возглавлял Азгосфилармонию. Для меня это была прекрасная школа, а главное, я почувствовал вкус к организаторской, административной работе. Так что министерский портфель принял без больших колебаний. Я неплохо знал людей искусства, проблемы культуры, и показало себя заманчивым испробовать себя в новой, но близкой по интересам сфере деятельности. К тому же и психологически я был к этому готов. Как говорится, подошла пора. В искусстве ведь, особенно в том жанре, в котором я работал, очень важно суметь вовремя уйти — в пике популярности, при переполненных еще залах. Глядя на драму, в которую превратилась борьба за продление сценической жизни у иных моих коллег, я еще раз убедился, сколь верен этот мно-

гократно проверенный актерский принцип. Я больше не пою. Взял тайм-аут и в сочинительстве: не могу петь и писать музыку, пока идет война и льется кровь. Это очень личное и вовсе не означает, что происходящее вокруг лишает искусство права на жизнь. Наоборот, в нынешних очень непростых условиях только оно и способно хоть как-то утишить боль и ослабить напряжение, царящее в обществе. Но пока к этой задаче я могу подступить только как министр.

— Знаете, можно лишь поражаться, что, несмотря на все сложности бытия, культурная жизнь, по крайней мере в Баку и других крупных городах республики, не замирает. Аншлаги в театрах и концертных залах, интересные гастроли, конкурсы, художественные выставки, смотры юных дарований... Скажите, Бога ради, как все это удается организовать и провести в нынешних условиях?

— Честно говоря, чем дальше, тем с большими сложностями. Экономический кризис наносит культуре серьезный урон. Как и когда сможем восполнить эти потери, в том числе и кадровые? События последних лет привели к тому, что скоро наши симфонические и камерные оркестры останутся без исполнителей, а консерватория — без преподавателей.

— А сами вы не собираетесь уезжать?

— Нет, я никуда не уеду, хотя никого за это не осуждаю и не вправе осуждать. Каждый выбирает свою судьбу. Тем более что подавляющее большинство наших музыкантов не эмигрирует, а выезжает по контракту на работу в страны Ближнего Востока. Во всем мире происходит подобный обмен. Но, замечу, именно обмен, а не односторонняя «поставка кадров». Кто же будет играть здесь? И все же пусть лучше так, чем снова «железный занавес», которым только и могли удерживать людей. Я верю, что со временем мы станем жить лучше, и люди снова потянутся назад.

— Вы оптимист?

— Я прагматик. Я понимаю, что история развивается по своим законам и все этапы развития, нравятся они нам или нет, должны быть пройдены до конца. Нынешний — не самый легкий, но мы не можем просто взять и перешагнуть через него. Так бывает только в сказках. Мы уже пробовали сказку превратить в быль. И дорого за это заплатили. Попробуем лучше построить нормальную, непридуманную жизнь. Надеюсь, на сей раз это нам удастся.

Интервью провела
Тунзале КАСУМОВА.

БАКУ.